

Г. В. Бежанидзе
(ПСТГУ)

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ О ЦАРСКОМ СЛУЖЕНИИ

«Благословляя Господи, Православную Церковь, да не оскудевает пастьерь, полагающий душу свою за овцы, иерей, которого устне сохраняют разум спасения, подвижник, ходящий узким путем духа, сын веры, живущий по вере, творящий дела веры, свободный от обаяний мира, от порабощения духу времени»¹.

Эти слова святителя Филарета прежде всего характеризуют его самого, в своих суждениях вполне независимого от духа современного ему мира.

Однако если даже ближайшие собеседники и собратья архиереи не понимали святителя Филарета, что было ожидать от либеральных церковных историков, которые, не задумываясь, обвиняли Московского митрополита в малодушии, преступной уклончивости и даже предательстве церковных интересов. В их представлении, по словам святейшего патриарха Алексия I, святитель был послушным орудием власти, «которая эксплуатировала, так сказать, его талант и силу убеждения»².

«Когда же, наконец, — писал известный церковный историк, Алексей Петрович Лебедев в мае 1907 г., — перестанут у нас измерять Филарета на свой аршин! Это был нравственный гигант, выражаясь по-теперешнему — «сверхчеловек». Мы все должны повергаться ниц перед этим необыкновенным святителем, а не разбираться в тех сплетнях, которые создали зависть и мелкое самолюбие, — в надежде найти в них предлог для того, чтобы бросить упрек по адресу первого по значению и последнего в хронологическом отношении истинного пастьеры Российской Церкви»³.

Представляется, что слова А. П. Лебедева не преувеличение, но теперь нас занимает не личность святителя, а его наследие, которое во всей своей глубине и значимости только начинает открываться для нас. Так, святитель был одним из тех немногих святых отцов Церкви, кто раскрыл ясно и последовательно церковное учение о государственной власти и церковно-государственных взаимоотношениях.

В сочинениях святителя Филарета много внимания уделено осмыслению самого понятия «государство», вопросам, связанным с происхождением государства и значением государства для Церкви. Прежде всего, он дает несколько собственных определений государства.

Во-первых, государство — это «некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отделенный по наружности, но невидимую властью сопряженный с единством всецелого»⁴. В этом первом определении можно выделить несколько главных идей: 1) государство не есть плод человеческой мудрости или произволения, оно, как и все творение Божие, создано Творцом и находится под Его промыслием⁵; 2) государство создано неотделенным от «единства всецелого», и его союз с Вседержителем определяется, как это следует из последующих слов святителя, соблюдением в нем Божественных установлений⁶, которые познаются через естественное или сверхестественное Богооткровение⁷. Как отдельный человек почтен от Бога свободой, так и государство, состоящее из свободных личностей, свободно определяет себя по отношению к своему Творцу, следуя Его заповедям или отвергая их и являясь ответственным за свои действия вследствие возможности нравственного самоопределения. Соответственно, благочестивое и добродетельное общество привлекает Божие благоволение и получает от Бога «силы к своему сохранению и совершенствованию». Ес-

¹ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи : В 5 т. М., 1873–1885 (далее — Слова и речи.). Т. 5. С. 581.

² *Алексий (Симанский), патриарх*. Митрополит Филарет о господствующим в современном нравственно-правовом сознании понятиях. М., 2005. С. 55.

³ *Лебедев А. П.* Два пионера церковно-исторической науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников // *Лебедев А. П.* «Великий и в малом...»: исследования по истории Русской Церкви и развития русской церковно-исторической науки. СПб., 2005. С. 65.

⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам : В 5 т. / Изд. под ред. преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. СПб., 1885–1888 (далее — Собрание мнений). Т. Доп. С. 7.

⁵ «Бог столько ж есть Творец собранного воедино и приявшего политическое образование, сколько нравственного и естественного мира. От одной и той же мудрости, которая вдунула в перстный истукан дыхание жизни, исходит дух благоустройства одушевить колоссальное тело государства» (Слова и речи. Т. 1. С. 118).

⁶ Собрание мнений. Т. Доп. С. 7.

⁷ «Благо добрым, зло злым: сей вечный закон неизгладимо написан в книге совести нашей и во внутреннем составе всех обществ. Его влияние не менее простирается на всех вообще, как и на каждого в особенности» (Слова и речи. Т. 1. С. 118). Напрасно говорят, что тело общества подвержено такому же разрушению, как тело животных; что падение государств есть только следствие состава их. Можно, без дерзновенного присвоения высокого дара пророчества, сказать с Пророком каждому Иерусалиму, оставившему Бога своего: *Накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя* (Иер 2. 19)». (Там же. С. 121).

ли же государство коснеет в нечестии, то «может быть на некоторое время оставлено самому себе, по закону долготерпения или в ожидании его исправления, или в орудие наказания для других, или до исполнения меры его беззаконий, но вскоре поражается правосудием, как возмутительная область Божией державы»⁸. Причем, как отмечает святитель Филарет, для поражения нечестивого общества «не всегда требуется сверхъестественная месть; стрелы нечестия, пущенные на небо, медленно или скоро собственною тяжестью низвергаются поразить развращенных народов»⁹. Такое обязательное действие Божественного правосудия, по мнению святителя, обусловлено тем, что в отличие от отдельной человеческой личности, конечный суд над которой отлагается до кончины мира, государство не вечно и ограничено только земным бытием. Поэтому и суд Божий над государством осуществляется только на земле. Божие воздаяние может проявляться различно: «посредством благотворных или карательных действий природы, посредством благоустройства или нестроения общественного, посредством браней»¹⁰.

Во-вторых, государство есть «великое семейство человек, которое по умножению своих членов и разделении родов, не могши быть управляемо, как в начале, единым естественным отцом, признает над собой в сем качестве избранного Богом и законом государя». То есть, по мнению святителя, государство произошло из семьи. «Семейство древнее государства. Человек, супруг, супруга, отец, сын, мать, дочь и свойственные этим наименованиям обязанности и добродетели существовали прежде, чем семейство разрослось в народ и образовалось государство. Посему жизнь семейная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом корень дерева». Указывая на семейные корни государства, святитель Филарет, во-первых, еще раз подчеркивает Божественное происхождение власти¹¹ и отрицает ее естественное происхождение через общественный договор¹², во-вторых, указывает на принципы семейных взаимоотношений как на образец для взаимоотношений общественных. «Из чистых стихий жизни семейной», по мысли святителя, естественно

⁸ Собрание мнений. Т. Доп. С. 7.

⁹ Слова и речи. Т. 1. С. 121.

¹⁰ Там же. Т. 4. С. 20.

¹¹ «Изыскателю беспристрастному не трудно уразуметь, каким образом власть, по учению Христианскому, происходит от Бога. Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют народом? Очевидно, что сие множество народилось от некоего меньшего племени, а сие произошло от семейства. Итак в семействе, собственно так называемом, лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством. Следственно там должно искать начатков и первого образа власти и подчинения, видимых ныне в обществе. Отец, который естественно имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сын, который ни способностей своих образовать, ни самой жизни сохранить не может без повиновения родителям и воспитателям, есть природно подвластный. Но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека: то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой, а следственно и всякой последующей между человеками власти есть в Боге. Из Него, во-первых, как изъясняется Апостол, *всяко отечество на небесах и на земли именуется* (Ефес 3. 15); потом, когда сыны сынов разрождаются в народ, и из семейства возрастает Государство, необъятное для естественной власти отеческой, Бог дает сей власти новый искусственный образ и новое имя, и таким образом Его премудростию *царие царствуют* (Прит 8. 15); и далее, сколько бы ни продолжались народы, как бы ни изменялись Государства, всегда посредством вседействующего Промысла *владеет Вышний царством человеческим* (Дан 4. 22). Поелику во времена неведения, как человеки забыли Творца своего, так и общества человеческие не познавали верховного своего Владыки: то Бог, вместе с другими тайнами Своими, и тайну происхождения предержавших властей, даже чувственным образом представил пред очи мира в избранном для сего народе Еврейском. В Аврааме чудесно вновь сотворил Он качество отца и постепенно произвел от него племя, народ и царство; Сам руководствовал Патриархов сего племени; Сам воздвигал вождей и судей сему народу; Сам царствовал (1 Цар 8. 7) над сим царством; Сам воцарил над ним царей и долго являл над ними чудесные знамения Своей верховной власти» (Там же. Т. 2. С. 11).

¹² «Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейственное. Итак, младенец повиновется матери, а мать имеет власть над младенцем, потому ли, что они договорились между собою, чтобы она кормила его грудью, а он как можно менее кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании? Сколь удобно в сем случае приложение общественного договора: почти столько же оно удобно и во всех других случаях, для всякого человека, от младенца до старца, от первого до последнего. Всякий договор человеческий может иметь силу только тогда, когда вступают в него с сознанием и по доброй воле. Много ли же в обществе людей, которые слышали о договоре общественном; а из немногих, которые наслышались о нем, многие ли о нем имеют ясное понятие? Спросите, не говорю простого гражданина, спросите мудреца договоров: когда и как вступил он в общественный договор? Во время совершеннолетия? Но кто определил сие время? И был ли вне общества до совершеннолетия?.. Посредством рождения? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякого Россиянина с тем, что он умел, не знаю, с родителями ли своими, или с самою Россиею, договориться, чтобы ему родиться в могущественной России, под правительством колико сильным и полномочным, толико же кротким и благоприятным законной свободе. Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о сем договоре в свое время, и потому ссылаться теперь на него не значит ли подделывать оный? И следственно, не вернее ли, так как и простее, и в повиновении и в прочих отношениях к обществу, разбираться по праву и обязанности рождения действительного, вместо вымышленного договора, — сего сновидения общественной жизни, которое, будучи рассказано не в добрый час, — произвело и производит вещественные бедствия человеческих обществ» (Там же. Т. 3. С. 448–449).

возникают «чистые начала жизни государственной»: из почитания отца рождается благоговение к царю, любовь к матери приуготовляет любовь к родине, а «простодушное послушание домашнее» руководит «к самоотвержению и самозабвению в повиновении законам и священной власти самодержца»¹³.

И, наконец, святитель Филарет определяет государство как «союз свободных нравственных существ, соединившихся между собой пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия»¹⁴. Государство, таким образом, есть союз свободных личностей. Принципиальное отличие данного определения от идеи общественного договора, которую святитель последовательно отвергает¹⁵, в том, что в данном случае свободный союз свободных личностей не только не отвергает Божественное установление государства, но и предполагает его¹⁶. В основе этого союза лежит жертвование внешней свободой, то есть признание приоритета внутренней свободы над внешней (тенденция к обратному подчинению этих двух свобод есть следствие грехопадения и склонности к греху). Таким образом, государство является союзом, но союзом, изначально построенном на принципе иерархии: иерархии власти (ранее указанная аналогия «отец—дети») и иерархии ценностей (первенство внутренней свободы, опирающейся на закон нравственный, перед внешней свободой). Божественное происхождение данного союза определяется, прежде всего, его целью — охраной и утверждением закона нравственности, то есть закона Божьего. Так, сборище разбойников, для того чтобы успешно реализовывать свои преступные замыслы, также будет иметь главарей, но оно будет не союзом свободных нравственных существ, а договорившимися между собою беззаконниками¹⁷.

Святитель отмечает, «первое условие общественной жизни — единство целого»¹⁸. Единство общества сохраняется, если «священный закон нравственности непоколебимо утверждён в сердцах воспитанием, верою, здравым, неискаженным учением и уважаемыми примерами предков»¹⁹. Государство охраняет нравственность общества силою внешнего закона, основанного на нравственном законе, утвержденном Богом²⁰, а также пресекает и наказывает зло доступными ему средствами принуждения (силой). Безнравственные люди есть во всяком обществе, но все государство, несмотря на это, остается «чистым и благополучным», если «люди недобрые, по справедливости униженные в общественном мнении, не достигают власти, почета и влияния на других». Так и вода, «хотя есть в ней ил, является чистою, когда он лежит на дне»²¹. Соответствие государства определенным ему от Бога целям и определяет благоденствие или упадок государственной жизни.

Для лучшего достижения государством своей цели Бог установил особую форму правления — царскую власть: единоначальную, самодержавную и наследственную.

¹³ Слова и речи. Т. 4. С. 76.

¹⁴ Собрание мнений. Т. Доп. С. 7.

¹⁵ «Должно, говорят, повиноваться общественным властям, на основании общественного договора, которым люди соединились в общество, и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность. Вот прекрасное основание для того, чтобы на нем построить государство, в высокоумной книге или в мечтательной голове, а отнюдь не в природе вещей» (Слова и речи. Т. 3. С. 448).

¹⁶ «При рассмотрении человеческих обществ, мысль о благодеющей руке Божией застывает не редко мыслию о свободной воле человеческой. Но Бог, благодетельный Творец мира и человека, может ли не быть также благодетельным Творцом общества человеческого? Ибо независимое от Него и неуправляемое Им общество человеческое препятствовало бы Ему исполнять благодетельные намерения о мире и человеке, ограничивало бы Бога, что противоречит коренному понятию о Божестве. Никто, признающий Бога Творца и Промыслителя, не станет спорить, что общество пчел или муравьев есть устройство Божие в природе, потому что никакие избранные члены улья не составляли для него постановления общественного, и никакой философ муравейника не вымышлял басни общественного договора. Что ж? Общество человек менее ли достойно быть устройством премудрого Бога и всегдашним предметом Его благодетельного управления? Существует над людьми человеческое правление, — и сие нимало не противоречит тому, что каждый из них имеет, по естеству, свободную волю; равным образом существование сей свободы нимало не противоречит существованию верховного правления Божия и над родом человеческим, и над семейством, и над государством» (Там же. Т. 4. С. 231).

¹⁷ «Нестъ бо власть, — как говорит Апостол, — аще не от Бога: сущия же власти от Бога учинены суть (Рим 13. 1). При сей мысли, опять удивляюсь и сетую, вспоминая, как некоторые, вопреки столь ясному учению первых, истинных, Богодуховенных учителей Христианских, что власть от Бога, среди христианства вздумали учить, что власть от народа. Спросил бы я сих людей, которые сами себя провозглашали мудрецами за то, что по обдуманному плану были совершенными невеждами в Христианстве, и учили сему невежеству других; — спросил бы я их: где же видели вы народ, который бы сперва не имел над собою власти и потом сотворил ее для себя? В каких местах? В какие времена? Не думаю, чтобы вы решились указать на скопища беглецов или разбойников, как на первоначальный и совершеннейший образец общества человеческого» (Там же. Т. 2. С. 11).

¹⁸ Слова и речи. Т. 4. С. 529.

¹⁹ Собрание мнений. Т. Доп. С. 8.

²⁰ «Государство старается силою внешнего закона поставить в порядок и охранять в порядке частную жизнь человека и общественную жизнь государства» (Там же. Т. 5. Ч. 1. С. 130).

²¹ Слова и речи. Т. 5. С. 191.

- 1) Царская власть естественно иерархична, ибо проистекает из иерархической власти отца: «как власть отца не сотворена отцом и не дарована ему сыном»²², как отец есть природный властитель, а сын природный подвластный, так и власть царя проистекает естественно — вследствие наследственного преемства, установленного Богом. В этой форме правления нет места договорным отношениям, и святитель вновь поясняет это образом семьи: мать имеет власть над младенцем не вследствие того, что «они договорились между собою, чтоб она кормила его грудью, а он как можно меньше кричал, когда его пеленают», и даже если мать предложит ребенку «слишком тяжкие условия» — он не будет договариваться о воспитании с другой, чужой ему матерью²³. Так и царь уже рождается царем, и всякий гражданин России рождается в своем отечестве не потому, «что он умел с родителями ли своими или с самой Россией договориться»²⁴, а потому, что ему так определено Богом.

Только такая форма власти может явить сыновнюю любовь к царю и отеческое попечение царя о своем народе. И этот «кроткий союз любви между подданными и государем, которого они привыкли видеть нежным отцом своим», есть источник силы, сохраняющей «невредимой целостность государства против напряженнейших усилий к его потрясению»²⁵.

- 2) Единоличная власть, по мнению святителя, лучше осуществляет управление народом, чем многочисленное правительство, как это видно из Священной истории: «Какое правительство дало народу еврейскому государственное образование и законы? — Один человек, Моисей... Какое правительство распорядилось завоеванием обетованной земли и распределением на ней племен народа еврейского? — Один Иисус Навин»²⁶.
- 3) Царская власть тверда, т. к. почитается народом и не имеет нужды в обеспечении своего авторитета. Власть же, которая рассеивается на обеспечение своей безопасности, перестает быть твердой, и не в состоянии сконцентрироваться на делах управления и попечения о народе. Кроме того, попечение о собственной безопасности будет вести такую власть к стремлению «домогаться преобладания; в таком положении Государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения, и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной»²⁷.
- 4) Царская власть обеспечивает общественное единство. Общество, разделенное на партии и движения, ослабляется их взаимным противоборством. Когда же эти партии заключают между собой «притворное перемирие», то это «еще бедственнее», т.к. это мнимое единство осуществляется «для сильного восстания против истины и правды. Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим, светлым, сильным, всепривлекающим, вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного, мудростию, великодушием, любовью к народу, желанием общего блага, вниманием к благому совету, уважением к законам предшественников и к своим собственным, и в котором отношения подданных к верховной власти утверждаются не на вопросах, ежедневно возрождающихся, и не на спорах, никогда не кончаемых, но на хранимом свято предании праотеческом, на наследственной и благоприобретенной любви к Царю и Отечеству, и еще глубже, на благоговении к Царю царствующих и Господу господствующих. Господи! Ты даровал нам сие благо. Нам остается благодарить, хранить и молить: утверди, Боже, сие, еже соделал еси в нас (Пс 67. 29)»²⁸.

Но главное достоинство царской власти в том, что она богоустановлена по образу Высшей власти. «Как небо, бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земного: то также бесспорно лучшим на земли должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: “*виждь, да сотвориши по образу показанному тебе на горе*” (Исход 25. 40), то есть, на высоте Боговидения. Согласно с сим, Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земли Царя; по образу Своего вседержительства — Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века — Царя наследственного»²⁹. Власть царя освящена законом престолонаследия, утверждена «на вековом законе наследственности».

²² Слова и речи. Т. 2. С. 12.

²³ Там же. Т. 3. С. 449.

²⁴ Там же.

²⁵ Собрание мнений. Т. Доп. С. 9.

²⁶ Слова и речи. Т. 5. С. 382.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 11.

²⁸ Там же. Т. 4. С. 529.

²⁹ Там же. Т. 5. С. 126–127.

Неприкосновенность царской власти связана с иерархическим устройством мира и общества: всякая власть произошла от Бога. Святитель называет неприкосновенность помазанием, что означает наделение Богом человеческой личности властью, делающей ее неприкосновенной и почитаемой народом.

Но при этом помазанием он называет и особую миссию, порученную христианским царям Богом: заботиться о Церкви, способствуя распространению веры, охранять благочестие и нравственный закон, в себе самом являть образ благочестия. Когда власть предаёт дар помазания (своевольничает и отрывает себя от источника всякой власти Бога), она десакрализуется в глазах народа. Десакрализация происходит также, когда подвластное царю общество отходит от верности закону Божию.

Священная миссия помазанников в Новозаветное время проявляется в заботе о Церкви. По мысли святителя Филарета, еще пророк Исаия³⁰ Духом Святым предрек то, что благочестивые цари будут «кормителями» Церкви. В первые века христианства Православной Церкви было попущено пострадать от царей гонителей и разрушителей для того, чтобы было очевидно, что Церковь создается не благодаря человеческим усилиям. Причем Церковь не переставала проповедовать почтение к царской власти, не потому что ожидала каких-то выгод для себя, но потому что «не могла не уважать того, что поставил Бог»³¹. Однако после трех веков гонений, Бог особым промыслом воздвигает Царя Константина³², который «в буквальном значении пророчества может быть назван кормителем Церкви; потому что не только возвратил ей расхищенное гонителями достояние, но и умножил оное, и щедро давал потребное на содержание служителей ее, и на питание нищих ее. Но он может и в духовном разуме назван быть кормителем Церкви; потому что, когда ересь, вместо словесного нелестного млека (1 Петр 2. 2), предлагала младенцам веры отравленную пищу злосудия; тогда он со всей вселенной собрал блюстителей истины, и своею ревностию споспешествовал им устроить несокрушимый и неистощимый сосуд словесного нелестного млека и твердой Божественной пищи, — Никейский Символ веры»³³. Подобно императору Константину кормителями Церкви были и другие православные греческие императоры, а затем и князь Владимир и другие русские благочестивые князья, цари и императоры.

О них, по мнению святителя Филарета, пишет и апостол Павел, когда заповедует не только молиться за царей, но и благодарить Бога за них. «Неужели враги и враждебные действия, гонители и гонения могут быть предметом благодарности?», — вопрошает святитель. Недоумение объясняется тем, что в данном случае «Дух в нем Божий провидит и, более или менее, показывает ему будущий свет царств христианских», когда «будут цари и власти не только такие, за которых надобно молиться с скорбью, или с утешением, но и такие, за которых, как за драгоценный дар Божий, должно благодарить Бога с радостию». Если первые христиане молились за языческих царей со страхом, то «нашим отцам и нам предлежало и предлежит молиться за царей благочестивейших, распространителей веры, защитников Церкви, охранителей православия, — молиться с миром, с радостию, с благодарностию»³⁴.

Именно благочестивая царская власть обеспечила распространение и благополучие, то есть господствующее положение Церкви в России. «Почудимся непостижимым, но понятно благопромыслительным о вселенской Церкви судьбам Божиим. Между тем, как на народы древних великих Церквей Востока постепенно налегало иго неверных, и вследствие сего и самые Церкви подвергались затруднениям в управлении, лишались вещественных пособий, уменьшались в числе верующих, то бедствиями, то отторжениями нетвердых в вере; Бог насадил, возрастил, укрепил, расширил Церковь Российскую, и, посредством Христолюбивой ревности Царей наших, соделал ее защитницею православной веры в странах неверных, и в христианском усердии нашего народа отверз для бедствующих Церквей источник утешения и помощи. Восчувствуем, братья Церкви Российской, милость к нам Провидения Божия. Вместе с Божественным даром православной веры, нам даровано, в мире Царства, наслаждаться миром Церкви. Бог нового Израиля дал нам, по пророческому слову праведного Захарии, *без страха, из руки враг наших избавльшимся, служити Ему преподобием и правдою пред Ним вся дни живота нашего* (Лк 1. 74, 75). Тогда как иные Церкви и чада их подвизаются в скор-

³⁰ Ис 49. 23.

³¹ Слова и речи. Т. 3. С. 204.

³² «Но надобно же было наконец отдать истине и видимую справедливость: надобно было, чтобы, по слову Пророка, одержала правда покой (Ис 32. 17); чтобы Церковь, после стольких царей гонителей, имела Царя покровителя. Бог избирает для сего Константина: но Константин — язычник, и Христова истина обыкновенным путем человеческого наставления не проникает до глубины его сердца. Итак Царь царствующих действует Сам, как о сем рассказал Константин, и как нам пересказывает слышавший от него историк Евсевий... Не очевидно ли здесь, вопрошает святитель, что цари христианские ведут первое начало свое непосредственно от Царя Небесного?» (Там же. Т. 5. С. 43–44).

³³ Там же. С. 213–214.

³⁴ Там же. С. 382.

бях, в теснотах, в лишениях, нам ничто не препятствует совершать торжества веры, пользоваться открытыми сокровищами и утешениями благодати»³⁵.

Таким образом, без покровительства Царей, Церковь будет гонима, никогда не будет господствующей и постепенно будет уничтожаема в пределах гонящего ее государства³⁶. Здесь имеются в виду отдельные поместные Церкви, сама же «Церковь Христова непоколебима и неразрушима», несмотря на то, что от некоторые даже великие Церкви, как Карфагенская, разрушены так, что и «останков не видно»³⁷. Таким образом, как разрушить Церковь Христову, так и поддержать ее никакая человеческая власть не в силах. «Благо и благословение царю, покровителю алтаря, но не боится алтарь падения и без сего покровительства»³⁸. И когда царь покровительствует Церкви, он тем самым не преследует свои политические цели, но, как в свое время император Константин, повергается перед алтарем.

Служение царя Богу в деле распространения веры и обуславливает союз Церкви и государства, который основан не на взаимной выгоде, а на единстве цели и служения. Церковь не может иметь союз с тем государством, которое не руководствуется Божественным законом, имея у «правды выколотое правое око»³⁹. Такковы государства, отринувшие Божественное происхождение власти и приемлющие учение о происхождении власти от народа.

Итак, только царская власть может быть признана богоустановленной формой правления. Именно так понимал мысли святителя Филарета святейший патриарх Алексий I⁴⁰. Это учение вошло и в принятые Юбилейным Архиерейским Собором 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»⁴¹.

Таким образом, то благоговение к помазанникам, которое показывал святитель Филарет во время своего земного служения, обусловлено, конечно, не воображаемым малодушием святителя, но его богословием, основанным на Священном Писании и Предании Церкви. Согласно учению святителя, царская власть, являясь богоустановленной формой правления, в наибольшей степени отвечающей тем целям, которые определил Господь для государства: пресекать зло и утверждать нравственные ценности Божественного закона. Кроме того, царская власть сакральна, освящена «вековым законом наследственности» и предполагает союз любви между государем и народом, основанный на свободном послушании царю как помазаннику Божьему. И, наконец, именно царскую власть использует Бог для распространения веры и благочестия, охранения и кормления Православной Церкви.

³⁵ Слова и речи. Т. 5. С. 174.

³⁶ «Наша Православная Церковь уже сама горьким опытом убедилась, что стеснения не распространяют, а подавляют если не навсегда, то на долгое время истинное учение веры. Так было в западном крае России, где гонение православия создало унию и могло бы в конце подчинить весь народ Риму, если бы промыслу не угодно было возратить тот край в недра православной России, так и теперь в австрийских владениях православие, стесняемое тамошним правительством, постепенно оскудевает» (Собрание мнений. Т. Доп. С. 464).

³⁷ Слова и речи. Т. 4. С. 323–324.

³⁸ Там же. Т. 3. С. 203.

³⁹ Там же. С. 206.

⁴⁰ «Царь, по учению святителя Филарета, есть носитель и власти Божией, той власти, которая, существуя на земле, является отражением небесной вседержавной власти Божией. Царство земное есть образ и преддверие Царства Небесного, а потому, естественно из этого учения вытекает, что только то земное общество благословенно и содержит в себе семя благодати Божией, одухотворяющей и освящающей это общество, которое своим главою имеет верховного носителя власти и помазанника благодати — царя... именно царь, царская власть, самодержавная власть царя является признаком благословения Божия, почивающего на известном народе» (*Алексий (Симанский), патриарх*. Указ. соч. С. 53).

⁴¹ «При монархии власть остается богоданной... современные же демократии, в том числе монархические по форме, не ищут божественной санкции власти. Они представляют из себя форму власти в секулярном обществе, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов» (Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Н. Новгород, 2001. С. 185).